

2. В.И. Шаховский/V.I. Shakhovsky

*Волгоградский государственный педагогический университет, г. Волгоград
Volgograd state pedagogical University, Volgograd*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ТЬЮНИНГ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ EMOTIONAL TUNING IN SPEECH COMMUNICATION

Ключевые слова: эмоциональный тьюнинг, коммуникация, прагматика, эмотивная / эмоциональная компетенция.

Keywords: emotional tuning, communication, pragmatics, emotive / emotional competence.

Среди различных функций языка эмоций его адаптирующая функция является наиболее коммуникативно значимой.

Когда люди общаются, они транслируют друг на друга своё миропонимание в образах и картинках и индуцируют соответствующие образы-картинки у своих коммуникативных партнеров. Естественно, что эти образы-картинки эмоционально окрашены. Их эмоциональность более голографична, чем эмоциональность слов. Степень аппроксимации образных голограмм влияет на степень успешности вербальной эмоциональной коммуникации. Адаптирующая роль языка в общении соотносится с его тьюнинг-функцией. Приспособление (настройка / тьюнинг) речевых партнеров друг к другу в прагматических целях приводит к взаимному коммуникативному успеху, поскольку их языковая адаптация к коммуникативному стилю друг друга формирует у них общий эмоционально-координационный центр и делает их общение гармоничным. Адаптация и тьюнинг соответствуют принципу кооперативности эмоционального общения. Нередко такая настройка / адаптация / тьюнинг начинается на фатическом уровне, на котором происходит «снятие эмоциональных проб» речевых партнеров друг с друга. Примером может служить текст интермедии Аркадия Райкина о пожаре на его даче или текст песни Леонида Утесова «Всё хорошо, прекрасная маркиза», в которых происходит поэтапная подготовка адресата к неприятному известию через постепенную адаптацию его к всё ухудшающейся информации и через настраивание его на адекватное восприятие финальной совсем неприятной новости.

В эмоциональной коммуникации особенно релевантным является осознание различия между эмоциональной прагматикой говорящего (инициальная интенция) и эмоциональной прагматикой слушающего (терминальная интенция) (Шаховский, 2007; 2008). Они часто не совпадают, поэтому важен ещё и эмоциональный тьюнинг, в терминах М.Е. Литвака (Литвак, 2000), моделирование эмоций у собеседника, то есть эмоциональное манипулирование человеком.

Практика эмоциональной коммуникации, как реальной, так и художественной, показывает, что адаптация (тьюнинг) практически

невозможна в условиях эмотивной экстремальности: адресат не успевает рационально среагировать, инстинктивно включает защитные механизмы, в том числе, речевые и теловые, и поэтому зачастую реагирует неадекватно. В таком общении наблюдаются истерики, срывы, бурная «канализация» эмоций с использованием инвективов. Такой вид общения происходит в категориальных эмоциональных ситуациях конфликтного типа, когда агрессия обоих коммуникантов не подчиняется разуму, интеллекту и осуществляется только на инстинктивном уровне самозащиты или мести. Нередко такое общение называют виндиктивным дискурсом, для которого характерны следующие эмоциональные маркеры: отчаяние, ненависть, отвращение, ужас, страх, бешенство, ярость. Эмотивный экстрим реализуется с помощью языка. Его причиной является ответная психическая реакция на сильный эмоциональный раздражитель социума или конкретного коммуниканта. Примером такой эмоциональной ситуации может служить конфликт в кулуарах палаты депутатов Аргентины, где случилась драка, в которой пострадал конгрессмен Доминго Кавалло, занимавший в своё время пост министра экономики. Он вступил в перебранку с коллегой от правящей партии Хуаном Карлосом Аяла, когда тот обвинил бывшего министра в фальсификации налоговых деклараций. Кавалло ответил обидчику ругательствами и оскорблениями, и тогда Аяла пустил в ход кулаки. После стычки рассерженный Кавалло назвал драчуна трусом, потому что Аяла ударил его и убежал, побоявшись продолжения драки (хотя очевидцы отмечают, что удар был слабым, синяка не осталось). Обычно бывшего министра сопровождают телохранители, но их нет в коридорах парламента. Такая ситуация является категориальной, т.е. типичной для современных политиков, в том числе, и отечественных. И это обязывает лингвистов разрабатывать проблему этики (экологии) пользования языком и требует введения в их коммуникативную компетенцию знаний об адаптирующей функции языка.

В разных языковых культурах существуют различные правила социального подавления эмотивного экстрима, однако можно назвать и наиболее универсальные способы его нейтрализации. В эмоциональной коммуникации исключительно важно знание коммуникативного правила «психологического айкидо» – сознательного эмоционального отступления, тактического согласия даже с оскорбительным высказыванием. Применение такого правила в эмоциональной ситуации укорачивает или снимает её конфликтность. Не менее эффективными являются правила снятия эмоционального экстрима при помощи вежливых, эвфемистических, смягчительных громоотводов – средств митигации: скромность, вежливость, толерантность, искренность и др.

Во всех формах межкультурного внутриязыкового общения важное место занимает эмоциональный хронотоп: место и время эмотивного экстрима, и его интенсивность корректируются фактором адресата. В частности, это может корректироваться эмоциональным индексом и эмоциональным интеллектом человека говорящего (*homo sentiens*) или их

отсутствием (в случае эмоциональной тупости адресата или сознательной эмоциональной интенции «стоять насмерть и не поддаваться», как это показано на примере Стрикленда – персонажа романа С.Моэма «Луна и грош»). Хронотопно маркировано и то, как говорят о своих / чужих эмоциях разные языковые личности, принадлежащие к одной или разным языковым культурам. Примером может служить особое использование инвектив опричниками Ивана Грозного и роль современных инвектив в речи «новых русских» и российских политиков как средства выдвижения их эмоционального состояния.

Хотя лингвисты утверждают, что люди общаются не словами, а картинками, однако картинки они создают друг у друга всё-таки с помощью слов и их сплетений. Эти сплетения сопровождаются в различных видах общения эмоциональностью различной яркости. На уровне простого наблюдения эти различия очевидны, общеизвестно, что к своим собственным переживаниям мы более чувственны, чем чужим, и вербализуем их более дифференцированно, красочно и болезненно. Психологами установлено, что вербальная коммуникация эмоций (выброс эмоций через вербалику) снижает эмоциональное напряжение коммуниканта или смягчает его. Такой выброс может менять эмоциональный вектор коммуниканта даже на противоположный.

Всё это говорит о громадном прагматическом потенциале самого процесса коммуникации эмоций и о тяге homo loquens к эмоциональному общению (Шахавский, 2007). Достаточно вспомнить задушевные дружеские и праздные беседы, в ходе которых происходит освобождение от эмоциональной напряженности. Философы утверждали: «сказал – и облегчил душу». В русской лингвокультуре это называется «выговориться», в том числе, в письменной форме, особенно со своим «тайным другом» – дневником, куда коммуникантом чаще всего сбрасываются негативные эмоции и негативная информация о самом себе (см., например, дневники Л.Н.Толстого и комментарии к ним в книге М. Жданова «Любовь в жизни Толстого» (1997)).

Противоположным примером является нижеследующий: в эмоциональной ситуации фашистского концлагеря находятся отец и его маленький сын. Отца ожидает неминуемая смерть, но он скрывает это от своего сына, скрывает всю серьёзность ситуации. Он придумал игру, для того чтобы пощадить чувства своего мальчика, и изображает перед ним большую радость и счастье от того, что они попали в такое чудесное место на земле. Отец был всегда в присутствии мальчика весел, жизнерадостен, счастлив и превратил их нахождение в концлагере в веселую, увлекательную игру. Имитирование радостных эмоций отцом было настолько искусственно на протяжении длительного времени, что мальчик уверовал в их прекрасную жизнь. В эту свою игру отец включал веселые, теплые, радостные слова, такую же интонацию, мимику и жестикуляцию, и этим включил своего сына в радостную перспективу их жизни в концлагере (видеофильм «Жизнь прекрасна»).

Адекватное вербальное и невербальное поведение человека, умеющего завуалировать собственные эмоции и переживания и симитировать те, которые являются более прагматичными в данной ситуации, по отношению к данному адресату, свидетельствует о его высокой эмотивной / эмоциональной компетенции (Goleman, 1997), об умении менять вектор эмоции в конкретном дискурсе. Эта компетенция отчасти дается человеку от рождения, на инстинктивном уровне, но большая ее доля формируется вместе с опытом эмоционального общения: как подражание эмоциям персонажей художественной литературы, как закрепление опыта поведения в эмоциональных ситуациях реальной коммуникации, как навыки, которые можно получить в обучающей коммуникации в виде правил и приемов эмоционального взаимодействия и, прежде всего, правильное пользование адаптирующей функцией языка.

Литература

1. Жданов М. Любовь в жизни Л. Н. Толстого. – М., 1997.
2. Литвак М.Е. Психологический вампиризм. – Ростов н/Д, 2000.
3. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. – № 5. – М., 2007.
4. Шаховский В.И. Что такое лингвистика эмоций // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – № 3 (12). – 2008. (Электронный ресурс: http://www.tverlingua.by.ru/archive/012/shakhovsky_03_12.htm3 Дата обращения 01.08.2008).
5. Goleman D. The emotional intelligence. Bentam Books. – N.-Y., 1997.

References

1. Zhdanov M. Love in the life of L. N. Tolstoy. - M, 1997.
2. Litvak M.E. Psychological vampirism. - Rostov n/D, 2000.
3. Shakhovsky V.I. Linguistics emotions // Philological studies. - № 5. - M, 2007.
4. Shakhovsky V.I. What linguistics emotions // Electronic scientific magazine "the World of linguistics and communication". - № 3 (12). - 2008. (Electronic resource: http://www.tverlingua.by.ru/archive/012/shakhovsky_03_12.htm3 Accessed on 01.08.2008).
5. Goleman D. The emotional intelligence. Bentam Books. - N. y., 1997.

(0,21 п.л.)